

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА

I

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Т Р У Д Ы
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
Я З Ы К А

Т О М

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1 9 4 9

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик С. П. ОБНОРСКИЙ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *Б. М. Фомберг*. Технический редактор *Н. П. Лузан*. Корректор *О. А. Руднева*

РИСО АН СССР № 2461. А-06552. Издат. № 1168. Тип. заказ № 684. Подп. в печ. 4/VI 1949 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 16¹/₂. Уч.-изд. 18³/₄. Тираж 3000. Цена в переплете 18 руб.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О. 9 линия, д. 12.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТАТЬИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом Институт русского языка начинает новую серию своих изданий. В отличие от уже выходящих «Материалов и исследований по истории русского литературного языка» и «Бюллетеней диалектологического сектора Института русского языка», посвященных отдельным разделам русского языкознания, а также в отличие от «Докладов и сообщений Института русского языка», где публикуются научные доклады, освещающие текущую научную жизнь Института, «Труды Института русского языка» ставят себе более широкие задачи. В «Трудах» будут публиковаться статьи и исследования по общим вопросам языкознания применительно к русскому языку, по общетеоретическим и частным вопросам русской грамматики, по вопросам развития современного русского языка, по исторической грамматике и лексикологии, по истории отечественной науки о русском языке, а также рецензии на важнейшие труды и монографии в области русского языкознания. Особое место в «Трудах» отводится публикации материалов, имеющих значение для научно-исследовательской работы в области русского языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть вторая

СТАТЬИ

<i>Л. А. Вулаховский.</i> Деэтимологизация в русском языке	147
<u><i>В. И. Чернышев</i></u> Описательные формы наклонений и времен в русском языке .	210
<i>В. В. Виноградов.</i> О IV томе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни .	239

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В большей или меньшей мере близкое к этимологически родственным словам значение, первоначально вполне отчетливо выступавшее в сознании говорящих при употреблении определенного слова, с течением времени, как известно, может утратить способность вступать с этими словами в смысловую связь как своими непосредственными родичами. Одно слово, т. е. некоторый звуковой комплекс и социально принадлежащее ему значение как продукт психологической обработки ряда смысловых элементов, ставших единым целым, деэтимологизируется — перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе оно раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного «гнезда», становится в лексической системе языка этимологически более изолированным. Причины разрыва былых смысловых связей, сопровождавших близость слов по их звуковому выражению, обыкновенно остаются в ряде случаев неясными или проблематичными, но типические условия, благоприятствующие такому разрыву, повидимому, могут быть указаны с известной убедительностью.

Одна из серьезных трудностей, стоящих перед исследователем вопроса о деэтимологизации, — скорее общеметодологическая, нежели конкретно-практическая. Кто тот, чье сознание и чьи свидетельства о сохранении или разрыве этимологической связи могут служить для исследователя опорой в самих исходных моментах его рассуждения? Нет ли опасности грубого субъективизма уже при самой постановке вопроса о деэтимологизации в том или другом слове?

Некоторая опасность, несомненно, существует, и с нею нельзя не считаться. Надежная ориентация среди соответствующих фактов возможна только по отношению к языку, которым исследователь владеет вполне, т. е. главным образом по отношению к родному языку. Даже очень хорошее, свободное обладание чужим языком обыкновенно не дает настоящего, живого понимания семантико-этимологических отношений. Можно даже, не впадая в большую ошибку, сказать, что именно по наличию чужья

к живой (не исторической) этимологической соотнесенности существующих в языке слов каждый человек, подготовленный к такого рода анализу, способен ответить себе на вопрос, в какой мере он овладел тем или другим языком.

Каковы факты осуществления или нарушения этимологических рядов в сознании неграмотного человека, мы в очень многих случаях даже приблизительно сказать не можем. В строе морфологических систем у нас бывают некоторые данные грамматического порядка, позволяющие утверждать, что бывшая связь слов-представлений уже распалась. Почва становится значительно более прочной, когда исследователь обращается к изучению людей, способных дать себе и ему отчет в наличии или отсутствии в их сознании соответствующих отношений слов-представлений. При этом, конечно, не следует забывать, что, кроме известного уровня развития объектов, дающего им возможность произвести такой самоанализ и сообщить о его результатах, несомненно, надо учесть и существование различных по своей природе психологических типов — с разной степенью склонности к сближению звуковых образов — слов между собою, с различной направленностью сближений семантического рода.

Основным, в соответствии со сказанным, думаю, может остаться материал самоизучения (интроспекция),¹ но со строгим вниманием к тому, где и когда привитая привычка этимологизировать в историческом аспекте должна быть учтена, как возможное препятствие к совершающейся или уже совершившейся у других деэтимологизации. Исследователю может, по моему мнению, быть разрешено начинать изучение отдельных фактов с самого себя, отвечая за социальный характер утверждаемых им связей значений или деэтимологизацию соответствующих слов и подтверждая этот социальный характер ссылкой на подобное осознание таких отношений другими. Минимум требования к этим другим — уровень развития вполне грамотного человека, тот теоретически воображаемый уровень, который считается обязательным для овладения и пользования нашим этимологическим правописанием.

Нет никаких оснований думать, будто учет фактов деэтимологизации субъективнее тех, с которыми мы имеем дело, когда устанавливаем этимологию тех или других слов. Едва ли не каждый работавший в этой области науки, как и просто соприкасавшийся с ней, не может не констатировать, что принятие или непринятие многих из обращающихся в науке этимологий в большой мере зависит от психологии высказывающегося по этому поводу лица, от его, скажем условно, лингво-психологического опыта, от того, готов ли он признать соответствующее предположение вероятным, правдоподобным, возможным или же искусственным, неправдоподобным и даже просто — невероятным. Эта гипотетичность в природе этимологизирования не делает последнее областью вовсе ненадежной, а только заста-

¹ Отсылаю по этому поводу к интересным соображениям академика Л. В. Щербы в его статье «Три аспекта», Изв. АН СССР, 1931.

влияет с большей осторожностью, нежели в других областях знания, подходить к полученным результатам, все время стремясь к их уточнению на основе более широкого лингво-психологического опыта. Констатация многочисленных аналогий к принимаемым смысловым переходам, более широкий охват людей, у которых наблюдаются сходные смысловые связи, — в конечном счете дают вероятность принимаемых этимологических объяснений. *Mutatis mutandis* это относится и к распаду бывших этимологических связей — к деэтимологизации.

Надо заметить еще, что одной из специальных трудностей изучения деэтимологизации является частый факт значительной неопределенности восприятия отношений между собой членов этимологической группы (гнезда). Связи могут ощущаться не только как нарушенные, но и как слабые, как ослабевшие, но не совсем утраченные. Объект, внимание которого обращают на ту или другую историческую связь, может согласиться с ее реальностью, правдоподобностью, хотя «от себя» никак не напал бы на нее и сознает, что ему ее собственно «открыли», — случай, промежуточный между полным разрывом и живой этимологией.

В отдельных случаях можно натолкнуться на людей со склонностью к фантастическому этимологизированию. Конечно, их показания не будут для исследователя иметь цены и не займут в его работе никакого места. Количество фактов, иллюстрирующих разрыв бывших этимологических связей, в современном литературном русском языке относительно велико. Для более удобного их обозрения я располагаю факты в тех группировках, которые мне представляются наиболее соответствующими самой природе явления, т. е. моментам, так или иначе заявляющим о своей влиятельности в отношении большей или меньшей стойкости или, наоборот, нестойкости бывших этимологических связей. Это — прежде всего свойства корней (основ), предполагаемых в качестве ядра определенных гнезд, тех морфологически наиболее стойких носителей родственности слов, от которых тем или другим способом отдельные члены гнезда берут свое начало в качестве ли прямых наследников седой старины или новообразований самых различных эпох. Здесь в первую очередь естественным является различие в отдельных частях речи корней субстантивного, качественнoго (качественного), глагольного, местоименного и вумерального характера.

Далее удобным мне представляется подвергнуть материал рассмотрению с точки зрения влияния на распад этимологических групп специальных моментов. Такими являются: материальные сдвиги в значениях, некоторые особенности природы называния представлений (например, по сходству функции), утрата обстоятельств называния, нечеткость восприятия при переходе слов из одной социальной среды в другую и т. п.; расхождение стилистических сфер употребления соответствующих слов (особенно большое внимание здесь должен привлечь к себе вопрос о церковнославянизмах); некоторые условия структурного порядка: стойкая префиксальность, сложение (*compositio*). Изучению подлежат, наконец, роль унаследованных чередова-

ний гласных, возможное влияние фонетической альтернации согласных, воздействия таких изменений фонетического облика слова, как вызванные выпадением согласных, гаплогогией и т. п.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

КОРНИ (ОСНОВЫ) ПРЕДМЕТНЫЕ (СУБСТАНТИВНЫЕ)

Бытовые уменьшительные

Булавка. Слово — производное от *булава*. Утрате внутренней формы, конечно, должна была способствовать архаичность основного представления: «набалдашник, палка, палица с шаром или утолщением на конце, служившая некогда военным оружием; то же как символ власти, напр., гетмана на Украине и др.».

Вилка — уменьшительное от *вилы*. В быту, где вилка — обиходный предмет, а вилы — относительная редкость, представление о последних могло довольно легко в первом слове стереться.

Кашка — «клевер». Деэтимологизация способствует условность названия. В «Толк. словаре» под ред. Д. Н. Ушакова вряд ли обоснованно *кашка* в этом смысле включена в ту же группу, что и уменьшительное от *каша*. У некоторых, впрочем, ассоциация между обоими словами не совсем разорвана.

Личинка — «животное (черви, ракообразные, насекомые, земноводные) в одной из первых стадий развития». Слово *личина* — «маска», лежащее в основе *личинки*, принадлежит к архаическим, и потому деэтимологизация в данном случае вполне естественна, тем более естественна, что и связь представлений, определившая в свое время название, достаточно искусственна.

Палатка — «шатер с полотняным навесом, лавочка под навесом». Вопреки сомнениям А. Преображенского (Этим. словарь, II, 7), не вижу возможности отрывать слово этимологически от *палаты*. Старинный ход мысли при назывании должен был естественно забыться, хотя бы уже потому, что слово *палаты* вышло из рядового употребления.

Корица — «высушенная душистая кора некоторых тропических растений семейства лавровых, употребляемая как пряность». В русский язык это слово вошло из церковнославянского. Последнее обстоятельство само по себе вряд ли могло бы быть решающим в отношении деэтимологизации при фонетической прозрачности состава слова. Ясных причин разрыва между *кора* и *корица* не вижу, но сам факт не возбуждает во мне сомнений.¹

¹ А. Преображенский (Этим. словарь, I, 352) к группе *кора* относит и название рыбы — *корюха, корюшка*. У меня нет никакой удержки в правильности этой этимологии (ср. смягчение согласного и ударение во втором слове), но если Преображенский действительно прав, то деэтимологизация в данном случае была особенно возможна ввиду приотливости в выборе самого основного признака названия. Думаю, что русск. *корюшка* из финск. *kuore*, а не наоборот.

Вершок — «русская мера длины — около 4,4 см, употреблявшаяся до введения метрич. мер». Первоначальный смысл названия, повидимому, «маленькая часть, остающаяся *поверх (сверху)* чего-нибудь». Представление определенной меры решительно возобладало над старым приблизительным (ср. «мне вершки, тебе корешки», — нар. сказка).

Клинок — «режущая часть холодного оружия или ножа». Ср. нем *klinge*. С *клин* «треугольная заостренная форма предметов» и под. слово теперь не ассоциируется. Деэтимологизации способствовало, вероятно, значительное изменение самой формы клинков, переставших напоминать клинья.

Коньки (реже — ед. число *конек*) — «прикрепляемые к обуви стальные или железные полозья для катанья по льду». Внутренняя форма (*конн*), естественно, приходит на ум этимологу, но чужда рядовому сознанию. Название дано по сходству функции, а этот вид психологической связи обычно намного слабее связей по сходству зрительному и потому легко нарушается.

Ларь, ларек в значении «палатка, будка на рынке или в публичных местах для продажи разного товара» теперь не ассоциируется с *ларцом* «дорогим, изукрашенным ящиком для хранения разных вещей, гл. обр. драгоценностей».

Лубок (лубочный) — «лубочная картинка». Слово теперь не ассоциируется ни с *лубком* в смысле «пласт или лоскут свежего слоя древесной коры», ни с более употребительным словом *луб* «свежий слой древесной коры, отделяемый непосредственно от ствола; лыко». Причина нарушения ассоциации в том, что из употребления вышло наиболее важное промежуточное представление: «липовая доска, на которой гравировалась картинка для печатания».

Мешок. Слово — производное от *мех*. С изменением самого предмета (мешки теперь как раз наиболее редко делаются из меха) легко нарушилась и бывшая этимологическая связь между обоими словами.

Носок — «короткий чулок, не доходящий до колена». Ассоциация разорвана у этого слова не только с *нос* в точном смысле наименования части тела, но даже с *носок* «передний конец обуви или чулка». Причина — резкое отличие восприятия сравнительно с первоначальным, определившим выбор признака при назывании тогда еще нового предмета. Сейчас в сознании представление заостренности передней части отступило полностью назад перед восприятием предмета в целом.

Порошок. Слово не ассоциируется теперь ни с *порог*, получившим в русском языке специальный смысл (не «пыль», а «взрывчатое вещество, применяемое для приготовления снарядов и патронов»), ни, тем более, со старославянизмом *прах*.

Пузырек — «маленькая бутылочка, скляночка». Связь с *пузырь* утрачена, вероятно, ввиду условности зрительной ассоциации: пузырьки своей формой пузырей теперь не напоминают.

Вне системы морфологических чередований стоит изменение гласного в слове **ребенок**, углубившее и без того определившийся разрыв между

ним и представлением, первоначально лежавшим в его основе. *Ребенок*, вместо прежнего *робенок* (так слово иногда еще звучит у писателей начала XIX в.; очень распространено оно в таком виде и теперь в говорах) могло явиться только в результате уже совершившейся деэтимологизации. Исторически ребенок — «маленький раб» (ср. др.-русс. *робъ*). Круг этих представлений в славянских языках часто соприкасается, — факт, имеющий свои корни в отношениях древнего рабовладельческого общества; ср. польск. *chłor* «крестьянин, мужик» и *chłorіes* «мальчик», укр. (из польск.) *хлопець*, др.-русс. *холоп*, чешск. *отрок* «раб», серб. *робле* «рабы; пленные; семья», др.-пол. *robioneк* (если это не заимствование из вост.-слав. языков); характерно и др.-русс. *отрокъ* «дружинник».

Голубцы — «кушанье, состоящее из фарша (мясо и рис), тушеного в капустных листьях». Ни с *голубой*, ни с *голубь* это слово не сближается (ср. и неупотребительный при *голубь* уменьшительный или ласкательный суффикс *-и*), — хотя не лишена вероятности догадка (ср. А. Преображенский, *Этим. словарь*, I, 142), что первоначально *голубцы* получили свое наименование как народная этимология нем. *Kohlblatt* «капустный листок». Причина разрыва — случайность первоначальной ассоциации.

Блюдец. Название этого очень употребительного в быту предмета теперь непосредственно не ассоциируется с *блюдо*, по отношению к которому *блюдец* первоначально было только уменьшительным.

Кольцо. У этого слова, формально того же типа, что и *блюдец*, благоприятным условием для деэтимологизации являлось, конечно, прежде всего исчезновение основного слова *коло*; ср. деэтимологизацию также родственных: *колесо*, наречия *около* и др.

Крыльцо — «наружная пристройка из площадки и лестнички перед домом, служащая для входа в дом и выхода из него». Слово первоначально было уменьшительным к *крыло*. Связь представлений А. Преображенский (*Этим. словарь*, I, 398) истолковывает вряд ли вполне убедительно: «В русском (речь идет о *крыло* вместо этимологического *крыло*) неожиданное *кры-вм.* *кри-* легко объясняется контаминацией с *крыть*: по этимологии русского *крыло* то, что прикрывает (обыкновенно приводят в пример насадку, прикрывающую птенцов от дождя, от хищника и проч.). Отсюда крыльцо — навесец» (указывается соответствующая литература).

Крыло *вм.* «крыло» гораздо вероятнее объясняется тем, что это слово в литературный язык попало в диалектной фонетической оболочке (из говоров с переходом *гри* — *кри* в *гры* — *кры*). Представление *крыльца* скорее всего возникло, думаю, непосредственно из образа *крыла* как придатка. Верно это или неверно, основным условием деэтимологизации оказалась, конечно, малообязательная связь представлений. Наличие уменьшительного *крылышко* облегчило специализацию значения слова *крыльцо*. Не исключена, впрочем, и обратная возможность — что именно факт специализации и затем деэтимологизация значения слова *крыльцо* вызвал необходимость в уменьшительном с другим суффиксом.

По поводу слов *блюдие*, *колыцо* и *крыльцо* следует упомянуть еще об одном моменте акцентологического характера, до некоторой степени указывающем на относительную хронологию деэтимологизации этих слов.

Русский язык обнаруживает тенденцию в формах среднего рода различать в отношении ударения множественного числа слова с продуктивными и непродуктивными суффиксами: за исключением трехсложных и вообще многосложных слов со срединным ударением (тип *копыто*, *корыто*, *грузило*), замечается тенденция при непродуктивности суффиксов, обыкновенно сопровождающейся деэтимологизацией корневой части, отличать ударением множественное число от единственного; наоборот, при суффиксе, сохраняющем свою продуктивность — ударение единственного числа остается на том же слоге и во множественном (*яйцо*: *яйца*, *сердце*: *сердца*, *сукно*: *сукна*, *кружево*: *кружева*, *зеркало*: *зеркала*; но: *торжество*: *торжества*, *средство*: *средства*, *питье*: *питья*, *дельце*: *дельца*, *мыльце*: *мыльца*). С этой точки зрения (впрочем, отнюдь не опирающейся на правила абсолютно устойчивые) *колыцо* и *крыльцо* обнаруживают и внешние признаки деэтимологизации: мн. ч. *колыца*, *крыльца*; но *блюдие*, вероятно, деэтимологизировавшееся позднее, сравнительно недавно, в отношении ударения ведет себя параллельно словам без деэтимологизации.

Полотенце — «узкая и длинная полоса ткани, преимущ. льняной или бумажной, для вытирания частей тела или посуды». Слово — производное от *полотно*, уменьшительным к которому в прямом значении теперь является, повидимому, *полотнище*, при более употребительном *полотнышко*. Причина деэтимологизации мне не ясна; дифференциация в ударении и наличие двух форм с разным значением вряд ли могли сыграть подобную роль сами по себе.

Очко. Деэтимологизируется только в производных значениях «единица счета для обозначения количества выигранных в спортивных играх; значок на игровой карте, кости и под.», т. е. в таких, где образ *ока* естественно стирался в восприятии. Впрочем, и в названии конкретного предмета *очков*, прямо связанного с глазами, у многих ассоциация с устарелым *око* является, по крайней мере, потускневшей.

ДРУГИЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУБСТАНТИВНЫМИ КОРНЯМИ

Горлица, горленка (горлявка) — «лесная птица из породы голубей». Название птицы, уже древнейшее славянское, как показывает распространенность образования в других славянских языках, восходит к слову *юрло*. Подсказано оно впечатлением от зоба птицы. Сближение понятий не лишено было известной случайности, почему раньше или позже могла осуществиться деэтимологизация.

Гусеница. Фонетические варианты слова в других славянских языках и в древнерусском (болг. *гъсеница*, *вжсеница*, словен. *vòsenca*, *gòsenca*, пол. *wasienica*, *gasienica*, укр. *гусєниця*, *усєниця* и под.: др.-русс. *гусь-*

ница, усеница) позволяют с большой вероятностью предположить исходное жсз «ус» (ср. А. Преображенский, Этим. словарь, I, 171). Название червя дано было, таким образом, по его волосатости. Что касается, однако, объяснения *з* в начале слова, которое вслед за другими предлагает Преображенский: «Чередование *з* и *в* напоминает замену старого *з* в таких русских формах, как *таво, чаво, добрава*», то с ним никак нельзя согласиться: как объясняется в последних *в*, см., напр., в «Историч. комментарии к литературному русскому языку», изд. 2, стр. 124. Начальное *з* в слове *усеница* скорее всего возникло в результате какой-либо давней народной этимологии, может быть, очень внешнего порядка (без приведения в связь по смыслу): *усеня* или под. Вероятность общерусского распространения названия из диалекта, в котором перед *у* появлялось *h*, затем, в соответствии фонетике большинства русских говоров, замененное звуком *з*, очень мала.

Деэтимологизация (при первом предположении) могла наступить еще до действия народной этимологии, являясь скорее предпосылкой, нежели результатом сближения по звукам с другим словом. Если так, то можно догадываться о ранней утрате при слове впечатления сходства с усами (с последними связывается представление, заметно отличное от волос вообще).

Второе предположение позволяет деэтимологизацию поставить в связь с изменением внешнего вида слова.

Матица — «балка, поддерживающая потолок». Слово — только техническое. Возможно, что у часто имеющих дело с соответствующим понятием оно как-то с *мать* ассоциируется (через представление основы и под.). Для тех, кто знает его чисто литературно, слово выступает деэтимологизировавшимся.

Столица (старинное — *стольный град*) и *престол* ни в какой мере в настоящее время не связываются со *столом*. Последнее утратило некогда принадлежавшее ему значение «стула, трона и т. д.» (ср. укр. *стілець* «стул», ст.-слав. *с толъ*; болг. *столъ* «стул» и под.).

Черепаша. Ни со словом *череп*, ни, еще менее, с *черепок* и под. слово теперь семантически не ассоциируется. Причина деэтимологизации, видимо, лежит в большой специализации значений всех этих слов. В большей или меньшей мере это не следует предполагать для *черепаха*.

Гречиха (обл. *греча, гречь*) — «полевое хлебное растение, из зерна которого изготавливают гречневую крупу». Растение получило свое наименование как греческое (ср. приводимые, напр., Е. Бернекером, Slav. etymol. Wörterbuch, I, 359, его приурочения в других языках к другим родствам).

Клубника. Со словом *клубень* — «мясистое утолщение на корнях или на подземной части растений» — *клубника* теперь не связывается. Причина деэтимологизации, вероятно, в значительной распространенности названия ягоды и в относительно малой употребительности слова, от которого оно произведено.

Кошолка — «корзина, кузов». Слово это «Толк. словарь» Ушакова сопровождает пометой «разг.». Возможно, что оно в литературном языке является заносным, из говоров (так, еще в «Этим. словаре» А. Преображенского, I, 374, оно упоминается как диалектное — тульское, орловское, тамбовское). Свою этимологическую связь с *кошель*, *кошелек* оно утратило. Отмечу, что, напр., в Харькове, где слово *кошолка* употребляется только в значении большого веревочного или матерчатого кошель, оно этимологически тоже не ассоциируется с *кошельком*. Никак со словом *кошелек* не ассоциируется и устарелое (поэтич.) *кошница*. Деэтимологизация соответствующих слов, восходящих к общему корню *кош* (ср. диал. *кош* «плетеный шалаш, загон для скота», укр. *кіш* «большая корзина; деревянный короб в мельнице, и др.», болг. *кошиз* «большая корзина», серб. *кош* «верша, корзина для ловли рыбы» и т. д.), в первую очередь определялась, вероятно, принадлежностью их к разной географической среде.

Деревня. В нынешнем (собственно, дореволюционном) значении — «селение без церкви» засвидетельствовано с XIV века (И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I, 653 и дал.). Значение «земля» и подобные выступают, напр., в «Домострое»: «пашет деревню». Обычно этимологи (см., напр., А. Преображенский, Этим. словарь, I, 180, с приведенной там литературой) принимают мнение А. А. Потебни, сближавшего это слово с литовск. *dirva* «нива». Не отвергаю толкования Потебни категорически, хотя вижу значительную трудность в подобной этимологии по отношению к слову, представленному в таком значении одним русским языком. Но не меньшие вероятности представляет, по-моему, и другая догадка, что в основе слова лежит *дерево*, т. е. представление о первоначальном поселении лесного типа; ср. укр. *деревня* «1) лес, деревня; 2) строевой лес». А. Преображенский сближение с *дерево* считает «народной этимологией» («вероятно, противополож. с городом — каменный»). Мне последнее объяснение представляется, по меньшей мере, сомнительным. Сопоставление с *деревом* считаю по изложенному основанию научно-этимологическим и как раз чуждым обычному сознанию говорящих. Если в этом отношении прав, то деэтимологизация слова *деревня* должна была наступить хотя бы потому, что его нынешнее значение в конце концов отошло слишком далеко от первоначального, связанного с образом деревьев.

Полка. Слово этимологически, несомненно, относится к *пол* — «нижний настил внутри помещения», но в этой связи теперь вовсе не создается. Ближайшую причину его деэтимологизации нужно видеть, вероятно, в том, что полки, в отличие от естественного представления пола, как раз подняты, находятся наверху. Ср. и *полок* — «подмости в бане для парки».

Решетка стоит в родственной связи с *решетом*. Представления в общем являются не очень близкими.

Чолка — «прядь гривы, чуб у лошади между ушами, на лбу, прическа (у женщин, детей) из зачесанных книзу надо лбом и ровно подстриженных волос». Разрыв связи с *чело* у этого слова явился тем естественнее, что

в литературном употреблении *чело* принадлежит только к поэтически-арханческому фонду.

Щетка, несомненно, представляет собою производное от слова *щетина*. вернее, от старых *щеть* или *щета*. Известная роль в его деэтимологизации должна была принадлежать и моменту материальному: щетки относительно нередко изготавливаются теперь и не из щетины, и морфологически — при отсутствии теперь слова «щеть» или «щета», *щетина* воспринимается целостно и потому в настоящую морфологическую связь со *щеткой* в сознании не вступает.

Веснушки. Несомненная для прошлого связь этого слова с *весна* (ср. укр. *веснянки* с тем же значением) сейчас существует, повидимому, только у очень немногих. Разрыв, отвлеченно рассуждая, отнюдь не обязательный, вызван был, скорее всего, известной условностью: веснушки бывают на лице и в другое время.

Раковина, ракушка. Этимология слова *раковина* не бесспорна. А. Преображенский (Этим. словарь, II, 179) сближение слова со словом *рак* считает народной этимологией, т. е., говоря точнее, позднейшим переосмыслением (кстати, вряд ли «народным»). Его замечание, однако, что новая этимология имеет в своей основе сближение предметов по твердости раковой скорлупы, по-моему, может быть отнесено и к первоначальному названию раковины.

Другая предлагаемая им этимология *рака* «ковчег, ларец, гробница» семантически безупречна, но более относительна со стороны морфологической: хорв. *gakva* и чешск. *takev* указывают на первоначальное *раки*, род. п. *ракъве* (форму, вполне естественную для заимствования из готского языка; ср. *буны* и др. под.). Если так, то скорее ожидалось бы «ракъвина», но не только русский, включая и др.-русс. *раковина* «перламутр», а и чешский с его (диал. старинн.) *gakovice*, *gakovina* не говорят за такую форму. Как бы, однако, ни было, последняя этимологизация еще более, чем первая, хорошо сочетается с фактом деэтимологизации: слово *рака* «гробница, ковчег с мощами угодников» принадлежит в русском языке к сугубо специальному, притом архаическому фонду и, естественно, не сохранило своей образной влиятельности в отношении предмета совсем иной смысловой сферы.

Колея — «1) след от колеса на дороге; 2) железнодорожный путь, образуемый парой параллельно проложенных рельсов». Связь с *колесо* теперь не создается. Об этимологической группе см. А. Преображенский, Этим. словарь, I, 333—334.

Коряга — «суковатое дерево, затонувшее в воде». Слово это сближают этимологически с *корень* (ср. А. Преображенский, Этим. словарь, I, 353). Вероятно, они в прошлом были действительно между собою связаны. Теперь они в сознании прямо не объединяются. В этом отношении известная роль могла принадлежать утрате изолированности корневой части в слове *корень*, в котором суффикс издавна омертвел.

Написание *карья*, параллельное с *корья*, свидетельствует и внешне о совершившемся удалении друг от друга раньше родственных слов.

Желудок, старослав. желѣдкъ, чешск. žaludek, польск. żoladek, серб. *жељудак*, словенск. želodec. Слово этимологически родственно названию *жолудя*.

Дезтимологизация в этом слове, по всей вероятности, факт уже большой древности. Помимо значительной случайности сближения по сходству, дезтимологизации должно было способствовать и то, что суффикс (-ък-) здесь не сообщал ясной направленности взаимоотношению сближаемых понятий, как было бы, напр., если бы -ък- выступало признаком уменьшительности при названии «жолудя», по сравнению с наименованием желудка. А. Мейе (*Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, 322) отвергал сближение с *жолудь* главным образом по акцентологическим основаниям, но на самом деле последние очень мало препятствуют сближению обоих слов: *жолудь*, как *ъ-* основа в прошлом, представляет пример метатониза, вообще характерной для этих основ, и вызванного ею передвижения, нового, ставшего циркумфлектированным, срединного ударения к началу слова. К тому же в параллельных образованиях «твердого» склонения в славянских языках хорошо засвидетельствованы формы с ударением на рефлексе носового *о*.

Козлы — «1) передок экипажа, на котором сидит кучер; 2) деревянные брусья, укрепленные каждый на 4 раскосых ножках, с настигнутыми на них досками» и др. В основе названия лежало представление *козла*, но большая условность ассоциации привела в конце концов к ее разрыву. Не исключена возможность, что слово по происхождению — калька (ср. нем. *Bock*, польск. *kozły*). За связь с польским говорит и сфера употребления (наименование, относящееся в первом значении к экипажу), и ударение на предпоследнем слове.

Леденец — «конфета в виде кристаллического прозрачного кусочка». Название, имеющее в корне *лед*, происходит, собственно, от имени прилагательного *ледяной* или от глагола *леденеть*. Внутренняя форма слова теперь в сознании не оживает.

Мещанин. Слово исторически — производное от *место*. Последнее употреблялось в ныне утраченном значении «город» (ср. др.-русс. *мѣстичь*, *мѣстичь* «житель места, города»). К категории дезтимологизировавшихся слов этого типа относятся также *гражданин* и *крестьянин*.

Мотыль — «кривошип» (техн. устар.). Повидимому, это слово является производным от *мотылек*, а не наоборот. *Мотылек* имеет многочисленные, хотя и сильно колеблющиеся с фонетической стороны, соответствия в других славянских языках, и в своей основе, надо думать, это слово уже принадлежало древнейшему славянскому языку. Образованное от него слово *мотыль* легко дезтимологизировалось ввиду большой условности восприятия при наименовании.